

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44
А81

有島 武郎
或る女

Перевод с японского *Анатолия Рябкина*

Художественное оформление серии *Натальи Портяной*

Арисима, Такэо.
А81 **Женщина / Такэо Арисима ; [перевод с японского
А. Рябкина]. — Москва : Эксмо, 2024. — 448 с.**

ISBN 978-5-04-206332-9

Роман известного японского писателя Такэо Арисима «Женщина» — одно из наиболее значительных произведения новой японской литературы.

Героиню этого романа назвали «японской Анной Карениной». Молодая красавица японка Йоко наперекор матери выходит замуж. Она питает к своему будущему мужу большое, настоящее чувство и хочет доказать, что имеет право сама решать свою судьбу.

Йоко смело идет напролом, сокрушая преграды условностей, растапывая сплетни, с презрением игнорируя злословие.

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-04-206332-9

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

1

Когда Йоко миновала мост Симбаси, сквозь синеватую дымку погожего сентябрьского утра до нее донесся второй удар колокола, возвестивший о скором отправлении поезда. На Йоко это не произвело никакого впечатления, зато рикша ускорил бег. Обогнув гостиницу «У журавлей», рикша промчался мимо фонтана, где, как всегда, толпились люди. Перед полуотворенной массивной дверью вокзала Йоко увидела Кото. Нетерпеливо посматривая в ее сторону, он препирался со станционным служащим, собиравшимся закрыть дверь.

— Простите, запоздала!.. Успеет еще? — поднимаясь по ступенькам, промолвила Йоко. Юноша, не ответив, приподнял простую соломенную шляпу и вручил ей синий билет.

«Отчего же не в первый класс? Мне нужен именно первый. Пойдите обменяйте билеты!» — хотела уже сказать Йоко, но, заметив решительное движение служащего, молча пошла за молодым человеком к единственному оставшемуся открытым выходу на перрон. Контролер, выжидаяще протянув руку, смотрел на них с недовольным видом.

— Госпожа, вы забыли в коляске... Вот!.. — раздалось у них за спиной в тот момент, когда они уже собирались предъявить билеты. Запахавшийся рикша

в темно-синей куртке подбежал к Йоко и подал ей маленький сверток в шелковом, оливкового цвета платке.

— Скорей, скорей! Да проходите же, поезд уйдет! — потеряв терпение, крикнул контролер.

Слово «госпожа», сказанное при Кото, окрик контролера — все это разозлило строптивую Йоко. Она вдруг остановилась и со спокойным лицом повернулась к рикше:

— Спасибо. Кстати, передай сестрам, что я сегодня поздно вернусь, так что они могут идти на школьный вечер без меня. Если же придет Омия из Йокогама, этот... галантерейщик, пусть ему скажут, что я уехала в Йокогаму.

Рикша посматривал то на контролера, то на Йоко с таким растеряннo-озабоченным видом, будто сам опаздывал на поезд. Контролер уже хотел захлопнуть дверь, когда Йоко, легкой походкой приблизившись к нему, воскликнула:

— Простите, пожалуйста! — и, подавая билет, улыбнулась — словно цветок раскрылся. Лицо контролера расплылось было в глупой улыбке, но он поспешил принять серьезный вид и привычным движением проколол билет.

Все, кто был на перроне, — железнодорожные служащие, провожающие — с любопытством разглядывали Йоко и ее спутника. А Йоко, ни на кого не обращая внимания, спокойно шла рядом с юношей и непринужденно болтала. Она предлагала ему угадать, что у нее в узелке, говорила, что ни один город не влечет ее так, как Йокогама, потом попросила положить вместе оба билета и все время искала случая коснуться руки Кото своими тонкими, музыкальными пальцами. Люди в вагонах, прильнув к окнам, тоже во все глаза смотрели на них. Кото смущался, досадовал на самого себя, что очень забавляло Йоко.

У ближайшего к ним вагона второго класса стоял кондуктор. Засунув руку в карман, он нервно постукивал носком ботинка по платформе, и едва Йоко поднялась на площадку, дал пронзительный свисток. Кото вскочил вслед за Йоко, и тотчас в неясный гул пробуждавшегося города ворвался гудок паровоза.

Кото проворно открыл перед Йоко дверь. Прежде чем войти, она быстрым и внимательным взглядом окинула пассажиров, занявших почти все места в вагоне. И вдруг остановилась как вкопанная: слева, ближе к середине вагона, сидел, уткнувшись в газету, худощавый человек средних лет. Но уже в следующий миг Йоко справилась с собой. Непринужденно, с уверенностью актрисы, она, слегка улыбаясь, прошла вслед за Кото в вагон и села на свободное место неподалеку от входа.

С непередаваемой грациозностью изогнув мизинец левой руки, Йоко поправила волосы и украшавший их простой черный бант. Толстяк лет сорока, с виду торговец, сидевший напротив Кото, поспешно встал и опустил занавеску, чтобы косые лучи утреннего солнца не беспокоили Йоко.

Йоко и рядом с ней скромно одетый юноша в очень дешевых гэта¹ производили такое странное впечатление, что даже сидевшая поблизости девочка удивленно посмотрела на них. Было в лице Йоко, в ее манере держаться, во всем ее облике нечто такое, что вызывало у людей самые противоречивые мысли. «Кто она, эта женщина?» Словно пучок лучей, сходящихся в фокусе, взгляды всех пассажиров сосредоточились на Йоко и ее спутнике. Йоко это, видимо, нравилось, и она стала

¹ *Гэта* — самый распространенный тип национальной обуви, имеет вид деревянной подошвы с двумя поперечными подставками высотой в 4–5 см, держится на двух ремешках, в один из которых продевается большой палец. (*Здесь и далее примеч. перев.*)

держаться с ним еще непринужденнее, словно они были близкими друзьями.

Когда после Синагавы поезд выскочил из короткого туннеля, Йоко почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. Она медленно обернулась. Так и есть: на нее смотрел худощавый мужчина с газетой в руках. Она его сразу узнала. Это был Кибэ Кокё. Он раньше всех заметил Йоко, когда она входила в вагон, но тут же отвел глаза и, закрыв лицо газетой, сделал вид, будто поглощен чтением. Когда же пассажиры утратили интерес к Йоко, он снова устремил на нее серьезный, пристальный взгляд. Йоко предвидела возможность этой встречи и заранее к ней подготовилась. Ничем не выдав своего волнения, она дружелюбно, не без кокетства в широко раскрытых, как колокольчики, глазах, чуть заметно кивнула ему, но он даже не улыбнулся в ответ, напротив, нахмурил брови и сурово посмотрел на нее. Это больно кольнуло Йоко. Ей стало досадно. Улыбка погасла, взгляд соскользнул с лица Кибэ и остановился на юном Кото, который в это время рассеянно смотрел в окно на убегающие горы.

— Опять задумались? — нарочито звонким голосом, так, чтобы слышал Кибэ, спросила Йоко.

Заметив странное возбуждение своей спутницы, Кото с любопытством посмотрел на нее, она слегка откинулась назад, опасаясь, как бы этот простодушный юноша не разглядел таящиеся за улыбкой горечь и досаду.

— Да нет, я ни о чем не думаю. Просто люблюсь. Как красивы эти горы, они словно большие лиловые тени, правда?.. Скоро осень!

«Вот что его занимает. Значит, ничего не заметил!» — решила Йоко и ответила:

— Да, в самом деле.

Она опять скользнула взглядом по Кибэ. Глаза его по-прежнему глядели жестко и сурово. Сердито поджав губы, Йоко отвернулась. Он еще пожалеет!

2

Йоко была первой любовью Кибэ, любовью страстной и всепоглощающей. Только что закончилась японо-китайская война, и все события этой войны и люди, имевшие к ней отношение, вызывали во всех слоях общества повышенный интерес. Двадцатипятилетний Кибэ побывал в Китае как военный корреспондент одной крупной газеты. Его блестящие статьи, полные метких и тонких наблюдений, резко выделялись в потоке трафаретных корреспонденций. С фронта он привез с собой славу талантливого журналиста. Директор газетного издательства, где работал Кибэ, был в хороших отношениях с матерью Йоко. Одна из первых местных христианок, вице-председательница «Женского христианского союза», она однажды устроила в честь военных корреспондентов званый обед. Здесь Кибэ и увидел Йоко впервые. Кибэ был пылким юношей, невысокого роста, с очень светлой нежной кожей. В тот вечер он взволнованно читал стихи.

В свои девятнадцать лет Йоко уже прекрасно владела искусством нравиться мужчинам, успела окружить себя поклонниками и лавировала среди них с врожденной ловкостью. Этим она тешила свое юное сердце. Это она первая в женском колледже придумала носить хакама¹ на пряжке вместо тесемок и таким образом установила новую моду. Ей было тогда всего пятнадцать. Это из-за Йоко пришлось пережить столько неприятных минут директору колледжа — пожилому,

¹ *Хакама* — широкие шаровары.

степенному американцу, когда кто-то пустил слух, будто Йоко стала первой ученицей потому, что позволяла ему не только любоваться своими алыми губками. Это она, поступив в музыкальную школу Уэно, через каких-нибудь два месяца поразила всех своими успехами и заставила говорить о себе и учителей, и учащихся. Один только профессор Кэбер слушал ее игру с кислым видом и однажды сказал ей сухо:

— У вас есть способности, но нет таланта.

— В самом деле? — беспечно воскликнула Йоко. Скрипка полетела в окно, а Йоко навсегда покинула музыкальную школу. Ее мать весьма энергично руководила «Христианским союзом» и была известна в обществе как женщина, которая решительностью характера не уступит мужчине. Она нисколько не считалась с мужем, человеком возвышенных мыслей, но безвольным. Зато нежная Йоко умело пользовалась глубоко скрытыми слабостями матери и всегда поступала по-своему.

Йоко считала, что видит людей насквозь, особенно мужчин. Она приближала к себе многих, но того, кто пытался перешагнуть запретную черту, отвергала с презрением. Йоко знала, что на заре любви мужчина боготворит женщину, но наступает жаркий полдень — и тот же самый мужчина вдруг начинает презирать и всячески унижать ее. Самозабвенно предаваясь флирту, она всякий раз точно угадывала приближение опасного полдня и безжалостно отталкивала своего поклонника. Но отвергнутые не испытывали к ней и тени неприязни. Напротив, им, пожалуй, самим было стыдно за проявление грубой страсти. Быть может, они раскаивались в том, что неверно судили о ней. Ведь никто из них ни разу не выразил Йоко своей досады. А если кто и считал себя несправедливо обиженным, все равно не желал признаваться в собственной глупости, объясняя свои неудачи ее не по годам изощренным кокетством.

Итак, однажды июньским вечером, в пору, когда зеленеет молодая листва и расцветает любовь, в доме Йоко на Нихонбаси собралось несколько военных корреспондентов. Они, казалось, принесли с собой дыхание минувшей войны. Йоко с младшими сестрами прислуживала за столом. Тоненькая и хрупкая, она выглядела по крайней мере на два-три года моложе своих девятнадцати лет. В ее скромной и мягкой манере держаться угадывался живой ум. По настоянию гостей она сыграла на скрипке, той самой, о которой так нелестно отозвался профессор Кэбер. С первого же взгляда Кибэ всей душой потянулся к этой девушке, такой обаятельной и талантливой. Да и она почувствовала интерес к невысокому юноше, а это случалось с ней довольно редко. Странная шалость судьбы! Столкнуть двух так похожих в чем-то людей! Кибэ не только характером, но и внешностью — хрупким телосложением, правильными чертами бледного лица, как бы отмеченного печатью таланта, нежной кожей, слегка выдававшимся подбородком — походил на Йоко. А она, очень чуткая ко всему, что касалось ее самой, обнаружив такое сходство, не могла не почувствовать любопытства к Кибэ. Так закончился этот обед. В чувствительном сердце Кибэ сразу же запечатлелся образ прелестной девушки, а Кибэ легко нашел приют в умной головке Йоко.

Кибэ-журналист пользовался громкой известностью. Имя его знали все, кто был хоть сколько-нибудь знаком с литературой. Ему прочили блестящий успех в обществе, когда он появится там во всеоружии своего мужавшего дарования. Он был участником японо-китайской войны, самого значительного события для Японии того времени, и некоторые видели в нем героя.

Кибэ стал часто бывать в доме Йоко. Очень живой, чувствительный и в то же время честолюбивый, он сумел очаровать всех, в особенности мать Йоко. Она зна-

ла Кибэ и раньше, превозносила его как одаренного, многообещающего молодого человека и на людях обращалась с ним запросто, как с сыном или младшим братом. Йоко вначале только посмеивалась над этим, но потом не выдержала и сама стала оказывать Кибэ знаки внимания. О Кибэ и говорить нечего: он весь был во власти охватившего его чувства.

Вскоре после того июньского вечера между Кибэ и Йоко установились отношения, которые можно было бы определить словом «любовь». Нужно ли говорить о том, какое вдохновенное, тонкое искусство обольщения было пущено Йоко в ход. Кибэ ходил как во сне. Ревностный христианин, гордый своим пуританским целомудрием, он отдался первой любви со всей серьезностью и пылом неиспорченной души. А Йоко часто ловила себя на том, что готова сгореть в огне его страсти.

Матери Йоко понадобилось совсем немного времени, чтобы разгадать их чувства. Она и раньше проявляла какую-то странную враждебность к дочери, а теперь, ослепленная ревностью, явно старалась помешать сближению молодых людей, помешать всеми способами, и перешла допустимые границы настолько, что это стало заметно всем. Светский опыт молодой женщины, одержимой поздней страстью, помог ей хладнокровно плести самую изощренную интригу, выискивать в душах молодых людей самые уязвимые уголки и наносить самые болезненные удары. Видя, с каким отчаянным мужеством, хотя и тщетно, Кибэ противится козням матери, Йоко прониклась к нему истинной симпатией. В ней созрела готовность самоотверженно подчиниться его мужской воле. Йоко неудержимо влекло в тенета, расставленные ею же для Кибэ. Никогда еще она не испытывала такого пьянящего, яркого чувства. И это чувство, испытанное ею впервые,

притупило ее острый, как скальпель хирурга, критический ум.

Грубый нажим ни к чему не привел, и мать Йоко решила искать обходные пути. Она действовала лаской и уговорами, пыталась повлиять на молодых людей через мужа, обратилась за помощью к пастору, которого уважал Кибэ. Все это было напрасно. Чем энергичнее и хладнокровнее осуществляла свою тщательно продуманную стратегию госпожа Сацуки, тем более стойко держалась Йоко, заслоня собой Кибэ. Поняв в конце концов, что дочь скорее умрет, нежели откажется от Кибэ, которым решила владеть безраздельно, владеть его душой и телом, от самых сокровенных мыслей до кончиков ногтей, госпожа Сацуки сложила оружие. После пяти месяцев испытаний осенью в гостинице, где жил Кибэ, состоялась скромная свадьба. Родителей на свадьбе не было.

Вскоре Кибэ снял в Хаяме небольшой домик, похожий на хижину отшельника. Там Йоко целиком завладела Кибэ, это была ее добыча, отвоеванная у матери.

Но прошло две недели, и какой-то холодок стал проникать в ее душу. Борьба с матерью, оказавшейся соперницей, кончилась блестящей победой. Между тем ореол военной славы Кибэ с каждым днем тускнел, как свет солнца, клонящегося к западу. Но самое большое разочарование принес Йоко сам Кибэ. Уверенный, что Йоко полностью принадлежит ему, Кибэ стал обнаруживать те стороны характера, которые до брака были скрыты от нее. Он оказался слабым, как женщина, заурядным и инертным, почти не приспособленным к жизни. Кибэ забросил работу и целыми днями не отходил от Йоко. Сентиментальный, он в то же время был чрезвычайно капризен. Не располагая решительно никакими средствами, он взвалил все заботы на плечи Йоко, видимо считая это вполне естественным, и вел

ленивый, беспечный образ жизни, словно был сынком богатых родителей. Это стало раздражать Йоко. Вначале она все прощала Кибэ, видя в его недостатках проявление непосредственности и беззаботности поэта. Она даже пыталась целиком отдаться хозяйству, как подобает примерной жене. Но долго ли могла Йоко, материалистка до мозга костей, прожить подобным образом?

До женитьбы Кибэ казался ей олицетворением благородства: он вел себя как человек самой строгой морали, хотя Йоко откровенно льнула к нему. Кто мог подумать, что он окажется жадным до любовных утех, грубым сластолюбцем? И эта неумная страсть обнаружилась в таком хилом теле! Йоко испытала какое-то неприятное чувство, словно увидела себя в зеркале такой, какой до сих пор не знала. Каждый день после ужина Йоко с отчаянием и раздражением ждала ночи. Чем более пылкой становилась любовь Кибэ, тем безрадостнее казалась ей жизнь. «Для того ли я родилась, чтобы существовать вот так до конца дней своих?» — уныло размышляла она. Встревоженный происшедшей с ней переменой, Кибэ начал внимательно приглядываться к каждому ее поступку, каждому шагу. Все с большей деспотичностью стеснял он ее свободу. Теперь, когда Йоко слишком хорошо познала любовь Кибэ, к ней снова вернулась притупившаяся было способность ясно и трезво мыслить. Теперь она увидела, что сходство в их внешности и характерах, которое произвело на нее такое сильное впечатление, не что иное, как тонкая насмешка природы.

Были и другие причины... Но этого оказалось достаточно, чтобы на второй месяц совместной жизни Йоко ушла от Кибэ. Она нашла убежище в больнице врача Такаямы, одного из близких друзей ее отца, который, Йоко надеялась, не станет ее осуждать. Дня

три Йоко почти не прикасалась к пище, со стыдом и раскаянием кляня себя за то, что так неосторожно увлеклась этим жалким человеком. Когда после долгих поисков Кибэ наконец нашел ее, она заявила холодно и спокойно:

— Я не хочу быть помехой твоему будущему.

Кибэ, видно, не уловил сарказма в ее словах, и Йоко расхохоталась ему в лицо, показав при этом свои белые зубы.

Такой на первый взгляд легкомысленной сценкой и закончилась их недолгая совместная жизнь. Кибэ делал все что мог: успокаивал, упрашивал, даже угрожал, но тщетно. Уйдя от Кибэ, Йоко вновь стала невинным созданием, будто ее души никогда и не касалось чувство.

В положенный срок у нее родилась девочка. Йоко не только не сообщила об этом Кибэ, но и матери сказала, что ребенок от другого. Йоко вела такой образ жизни, что мать ее готова была поверить этому. Однако зоркая госпожа Сацуки обнаружила в крохотной девочке черты Кибэ и обратила на несчастного ребенка свою неутоленную, отнюдь не христианскую злобу. Девочку поместили вместе с прислугой, ни разу ей не пришлось посидеть на коленях у бабки. Только отец Йоко, тронутый прелестью внучки, отнесся к ней сердечнее и тайком отвез ее к старой кормилице Йоко. Там Садако — так называли девочку — и провела первые шесть лет своей жизни.

Отец Йоко умер. Умерла и мать. Дальнейшая жизнь Кибэ была полна превратностей. Он выставлял свою кандидатуру на выборах в парламент, пробовал силы в изящной литературе, вел бродячую жизнь подобно странствующему монаху, пристрастился к вину, затевал издание журнала, снова женился, имел детей. Но ни в чем не нашел он удовлетворения. Жену и детей он

отвез к тестю в деревню, а сам стал нахлебником у какого-то родовитого аристократа и жил без определенных занятий, предаваясь пустым мечтам и воспоминаниям. Как раз в это время Йоко и встретила с ним в поезде.

3

Кибэ не спускал глаз с Йоко. Но она больше ни разу не взглянула в его сторону. «Почему я не поехала в первом классе? Ведь хотела обменять билет, словно чувствовала, что так может получиться, и вот...» Настроение Йоко, такое чудесное утром — оно нечасто бывало у нее в последнее время, — стало сумрачным и унылым, как осеннее солнце на закате. Йоко сделалось зябко, словно мозг ее наполнился остывшей кровью. Нетерпеливым движением повернулась она к окну в надежде, что пробегающий мимо пейзаж поможет ей отвлечься от тревожных мыслей, но занавеска была опущена. На Йоко с глупым видом уставился сорокалетний толстяк, который сидел, приоткрыв рот с отвисшей нижней губой. Йоко зло посмотрела на него в упор, будто хлестнула кнутом по лицу. Торговец опешил и, скорчив гримасу, изобразил на лице не то улыбку, не то смущение, будто готов был заплакать, как человек, которого и в самом деле хлестнули кнутом, и поспешно отвернулся. Его трусость еще больше разозлила Йоко.

Она хотела было взглянуть направо, но там неподалеку сидел Кибэ и по-прежнему сверлил ее своими маленькими глазками. Едва сдерживая расхолодившиеся нервы, Йоко сцепила пальцы, положила руки на сверток и, судорожно прижимая его к коленям, уставилась на кончики своих гэта. Ей казалось, что все пассажиры, будто сговорившись, то и дело бросают в ее сторону оскорбительные взгляды. Даже сидеть рядом с Кото

было сейчас для нее мукой. Как далек этот наивный юноша, мечтающий о чем-то своем, от нее, от ее переживаний. Никогда ему не понять ее! Ей вдруг почудилось, что он, как сыщик, хочет исподтишка заглянуть в ее душу. До того противно смотреть на его голову с коротко остриженными волосами, чем-то напоминающими деревянную стружку.

Маленькие горящие глаза Кибэ неотступно следили за нею.

За что такое унижение! Ведь Кибэ до сих пор видит в ней только женщину. Он по-прежнему высокого мнения о себе. И снова хочет влезть в ее жизнь со своей грубой низменной страстью. Забыв о гордости, она вздумала было кокетничать с этим никчемным трусом, хотела выказать свое дружелюбие, а он оттолкнул ее холодным взглядом.

Маленькие глаза Кибэ неотступно следили за нею.

Неожиданно раздался громкий смех. Смеялись два немолодых господина, что-то оживленно обсуждавшие. Йоко понимала, что смеются они не над ней, и все же не выдержала и встала, сунув правую руку за пояс.

— Меня, кажется, укачало, голова разболелась, — бросила она Кото и вышла на площадку.

Солнце уже поднялось высоко и ярко светило над полями Омори. За деревьями вдруг открывалось море, оно смеялось и сверкало, и от этого слегка кружилась голова. Держась за поручни, Йоко оглянулась и увидела Кото. Он был удивлен и встревожен.

— Вам плохо?

— Да, как-то нехорошо, — ответила Йоко и, чтобы избавиться от него, добавила: — Только вы, пожалуйста, не беспокойтесь, идите в вагон... Ничего страшного...

Кото не стал спорить.

— Как вам угодно. Я уйду. В самом деле ничего страшного? Если что-нибудь понадобится, позовите меня. — И он послушно вернулся в вагон.

«Simpleton»¹, — подумала Йоко и тут же забыла о Кото. О Кибэ она тоже забыла. Она с наслаждением подставила лицо сухому прохладному ветру позднего лета, и он ласково перебирал ее волосы. Она даже не видела четко выписанный пейзаж, который мелькал у нее перед глазами зелеными, ярко-синими, желтыми пятнами. Поезд мчался с бешеной скоростью. Мысли ее метались, беспорядочные, мрачные, и томили душу. Из забытья Йоко вывел оглушительный грохот; она испуганно подняла голову: поезд влетел на железнодорожный мост Рокуго. Перед глазами Йоко запрыгал его стальной переплет. Она инстинктивно прижалась к стенке тамбура, зажмурилась и закрыла лицо рукавом кимоно.

И вдруг сквозь ресницы, сквозь рукав кимоно отчетливо проступило лицо Кибэ, особенно его глаза, маленькие, горящие глаза. Это лицо, как магнит, притягивало к себе все существо Йоко, ее снова охватило то гнетущее, тяжелое чувство, которое она испытала в вагоне. Поезд замедлил ход — приближалась станция. Вдоль рисовых полей тянулись ярко размалеванные рекламы и плакаты. Чтобы прогнать неприятное видение, Йоко отняла руки от лица и принялась их рассматривать. Одна за другой рекламы вспыхивали у нее перед глазами, и образ Кибэ постепенно тускнел. На одной из реклам была изображена девушка с черными волосами до плеч и буддийской сутрой в руках. На груди у нее красовалось название патентованного средства от женских болезней. Машинально прочитав его, Йоко вдруг вспомнила свою дочь, свою Садако.

¹ Простак (англ.).